

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИМ

АНТИКИЛЛЕР-3
ДОПРОС
С ПРИСТРАСТИЕМ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Компьютерный дизайн обложки
Орловой Анастасии

Корецкий, Данил Аркадьевич.
К66 Антикиллер-3. Допрос с пристрастием /
Данил Корецкий. — Москва : Издательство
АСТ, 2016. — 480 с. — (Шпионы и все осталь-
ные. Данил Корецкий).

ISBN 978-5-17-100089-9

Мир Тиходонска мало изменился: воры и бандиты, разборки и перестрелки, продажные чиновники и алчные московские дельцы, поставившие целью скупить весь город и хладнокровно устраняющие всех, кто этому мешает: от мэра до преступного авторитета. На пути захватчиков становится гроза криминала Лис — Коренев. Новые времена еще более жестоки и беспредельны. Но и Лис теперь уже не тот, что прежде. Дело даже не в том, что майор Коренев стал подполковником, начальником основного отдела РУБОПа.

Теперь, кроме природного хитроумия и умения плести сложные оперативные комбинации, у него в руках рычаги управления глубоко законспирированной бандой, унаследованной от убитого Колдуна.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100089-9 © Корецкий Д. А., 2011
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Мальчиши-Кибальчиши дают Плохишам
«крыши»,
А те хотят повыше — совсем под облака...
А нам уже до фени, что все мы на измене —
Теперь такое время, сегодня День Сурка...

*В. Лищук. День Сурка.
Рублево-Успенские песни и баллады,
4-й альбом*

ГЛАВА 1

Воры и бандиты

Бейсбольная бита и паяльная лампа стали понятиями нарицательными отнюдь не в связи с использованием по прямому назначению.

Наблюдение автора

Просторные кабинеты, с роскошными интерьерами — примета последнего времени. Считается, что они отлично подходят для решения серьезных вопросов. Ибо, восседая в удобных кожаных креслах за столом из красного дерева, приятно разговаривать о миллионных контрактах и головокружительных финансовых комбинациях. Неплохо при этом пускать в потолок дым дорогих сигар и смаковать по глоточку «Хеннеси» или «Кельт» класса VSOP, или еще лучше — XO. Все это способствует переговорному процессу, как оружейная смазка — безотказной перезарядке пистолета «ТТ». Председатель правления банка «Золотой круг» Хондачев много раз участвовал в таких переговорах и никогда не испытывал напряжения, а тем более страха, как сейчас.

В кабинете генерального директора Тиходонского филиала «Общества по защите малого и среднего бизнеса» весь необходимый антураж присутствовал. И раритетная

люстра на потолке, и массивное пресс-папье в стиле «ретро», и мягкий ковер ручной работы на полу, и янтарный коньяк в широких бокалах, правда, отечественный, «Московский», что было довольно символично. Но не коньяк портил впечатление, а самый настоящий пистолет «ГТ», который черным зрачком ствола гипнотизировал банкира.

— Ты что, барыга, совсем фишку не сечешь? — Пистолет держал замдиректора, больше похожий на инструктора по бодибилдингу, проводящего свободное время на бандитских «стрелках». Как его зовут, Хондачев под дулом забыл, а может, тот не посчитал нужным представиться.

— Ты не понял, что в ваш городишко пришел московский капитал? И вы все под нас ляжете! Или в землю...

Широкоплечий здоровяк, занимающий кресло генерального директора, успокаивающе поднял руку.

— Ну что ты, Володя, зачем сразу крайние меры? Господин Хондачев все взвесит и введет нашего человека в правление... Ведь мы же не собираемся его обижать в материальном плане...

— Ну, раз так... — Володя привычно сунул пистолет за брючный ремень в районе левого бедра. Он явно умел носить оружие.

Два молодых человека были похожи, как близнецы. Мощные шеи и широкие плечи тяжелоатлетов, светлые летние костюмы, безграничная уверенность в своей правоте, агрессивный напор и неукротимая пробивная сила. Сейчас они играли старые, как уголовный мир и сыск, роли доброго и злого следователей.

Хондачев руководил банком больше пятнадцати лет. В бурные девяностые «наезды» с отретпетированными «постановками» происходили довольно часто. Вначале приходили угрюмые уголовники, украшенные синими наколками, — они требовали плату за «крышу». Потом появились мальчики в спортивных костюмах, увешанные золотыми цепями, — эти хотели беспроцентных кредитов, которые не собирались отдавать. Теперь объявились

вот такие «бизнесмены» нового времени — генеральные директора с повадками бандитов. Холеные, уважаемые на первый взгляд и еще более страшные на второй. Эти не боялись ни милиции, ни прокуратуры. Они мягко стелили, но хотели забрать все. Сначала «свой» человек в правлении, потом липовое собрание акционеров выберет его новым председателем, дополнительная эмиссия акций (все это за одну ночь) — и прощай, «Золотой круг»! Рейдерский захват — вот как это называется на привычном современном новоязе!

«Но почему они действуют так нагло? Почему не заинтересовались, как „Золотой круг“ ухитрился не попасть в зависимость от криминальных структур? Почему не „пробили“ — кто стоит за ним, Хондачевым? Или еще хуже — „пробили“ и наплевали?!»

Честно говоря, Хондачев струхнул. Не только от пистолета — пистолеты он видел и раньше. Просто слишком контрастировали уважаемая обстановка официального кабинета и откровенная бандитская наглость. Но вида он не подал. Сидел, как и раньше, — выпрямив спину и вальяжно закинув ногу на ногу. Дородный седовласый джентльмен, привыкший руководить, а не подчиняться чужой воле.

— К сожалению, наши учредители не приветствуют введение в правление людей со стороны.

Банкир постарался изобразить вежливую улыбку.

— И, кстати, в области кредитной политики мы придерживаемся крайне консервативных взглядов. Во всяком случае, кредиты без фактического обеспечения — недопустимы однозначно. Таким образом, предлагаемое сотрудничество на данном этапе представляется... хм... неосуществимым. Прошу меня извинить.

— Да ты не понял! — снова заорал замдиректора. — К нам не хотел идти, так у тебя тачка взорвалась! А следующая может с тобой вместе взлететь на воздух!

Хондачев поднял брови:

— Так это вы взорвали мою машину?!

— Не надо искажать факты,— негромко, но с ощутимым нажимом произнес директор.— Наша организация предназначена для обеспечения безопасности. А какие-то там взрывы не имеют к нам отношения. Скорее всего — это свидетельство того, что ваша безопасность трещит по швам. Вот вы и прибежали сюда. Как раз за защитой! И попали по адресу. Ну а возникшие попутно коммерческие предложения — лишь следствие. Надеюсь, мы можем оказывать услуги друг другу?

Атлет Володя шагнул вперед. Широкая ладонь покровительственно опустилась на плечо банкира. Прямо в ухо ему вливался вкрадчивый голос:

— Почему мы не можем дружить? Это ведь выгодно обеим сторонам. Дружба лучше ссоры...

Почувствовав, что ладонь начала медленно вжимать его в кресло, Хондачев рванулся, с некоторым усилием освободился и вскочил. Он разозлился. Люди, которые распоряжаются большими деньгами, вовсе не такие мягкие и пушистые, как иногда кажутся.

— Вы ничего не попутали, ребятки? Вы что решили — наехали, покошмарили, и все — забрали банк? А вы не подумали, что до вас тоже были наезды? И где те наездники? Ошиблись, мальчики! Хотите, я позвоню, и вашу шарашку разгонят, как митинг педерастов?

Директор зло усмехнулся.

— Да знаем мы, почему ты такой смелый! На Лиса рассчитываешь. Только ментовская «крыша» — это вчерашний день. И этот твой мент позорный, Коренев,— пержиток. Отрыжка «совка»!

— А тебе надо думать о своем здоровье,— в унисон подключился Володя.— Зачем нервничать? В семье сердечники были? Вдруг случится приступ?

— Совершенно неожиданный инфаркт,— поддержал директор.— Прямо сейчас. Что-то ты бледный...

На лицах представителей нового российского бизнеса появились стандартные западные улыбки. Белозубые и равнодушные. Генеральный директор «Общества по за-

щите малого и среднего бизнеса» солидно кашлянул. Как-то слишком отчетливо. Раз, потом другой...

В кабинет вошел еще один человек — худошавый, сутулый и... в белом халате.

— Помогите нашему гостю, доктор! — сказал Володя и стал за спиной Хондачева. Директор вскочил, быстро обошел стол, подошел вплотную.

Худошавый приблизился к журнальному столику, сдернул салфетку. Вместо коробки конфет, вазы с фруктами или шоколадки под ней оказался небольшой поднос, на котором лежали два тонких шприца. В них зловеще опалесцировала какая-то жидкость.

С легким стуком упал на столик зеленый колпачок, освобождая иглу. На ее срезе показалось несколько прозрачных капель. Широкие ладони вновь вцепились в плечи банкира, рывком усадили в кресло. Тот вздрогнул, стремительно бледнея, и выдавил из пересохшего горла:

— Не надо укола! Не-е-ет!!! На помощь!

— Не бойся,— деловито сказал директор.— Препарат проверенный.

Банкир суетливо дернулся, но его намертво прижали к креслу. Молодые люди наверняка регулярно посещали тренажерный зал. Они излучали волны уверенности и здоровья. От крепких тел в безукоризненных светлых костюмах еле уловимо пахло свежестью французского парфюма. И очень сильно — неотвратимой смертью. Тяжелая бронированная дверь в офис и два крепких охранника намертво отрезали все происходящее здесь от остального, нормального мира, в котором никто бы не посмел так обращаться с главой «Золотого круга».

Хондачев обреченно дернулся, хрипло закричал:

— Скорей, Филипп, скорей! Они меня убьют!

— Ты чо, дядя, бредишь? — хохотнул Володя.— Какой, на хер, Филипп?

И в этот момент из-под пиджака Хондачева, из мембраны спрятанного динамика донесся уверенный голос с металлическим оттенком:

— Ну, что я говорил? Натуральные бандюки! Я захожу. Не забудьте «маяк».

Если бы в офисе запахло серой, а на седой макушке банкира появились дьявольские рожки, это вряд ли вызвало бы большой эффект. «Доктор» выронил шприц, оба «защитника бизнеса» остолбенели, сильные руки разжались. Освободившись, Хондачев вскочил и бросился к окну, доставая из кармана красный платок.

Внизу пушечно ударили в железо кувалды, вынося запертую входную дверь вместе с замками и косяком. Раздался шум, крики, что-то грохнулось на пол. Скорострельной пушечной очередью пронесся по коридорам тяжелый топот. Сдавленно пискнула секретарша и тут же затихла. От мощного удара распахнулась полированная дверь кабинета. Внутрь ворвались могучие фигуры в черных масках, касках и бронежилетах с надписью «СОБР».

Хондачев принялся размахивать платком, будто, стоя на перроне, прощался с уезжающей в отпуск горячо любимой женой. Это было необходимо, потому что при захвате собровцы действуют предельно жестко, исповедуя принцип: лучше перестараться, чем умереть. Сначала нейтрализуются все, кто находится в помещении, потом приносятся извинения невиновным. Но сейчас про условный сигнал знали, поэтому, увидев красный лоскут, стремительно летящий собровец изменил траекторию и врезался плечом в подбородок генерального директора. Несмотря на свои габариты, тот отлетел к стене, гулко ударился головой и замертво рухнул на ковер.

Володя, на свою беду, сделал то, что называется «оказанием сопротивления при задержании». Но на этот раз отработанные приемы восточных единоборств сыграли с ним скверную шутку. Он рефлекторно попытался поставить блок от удара в печень и уйти с линии атаки. И сделал все правильно, как учил сэнсэй. Однако рукопашный бой не предусматривает красивых балетных па. Когда речь идет о жизни и смерти, на первое место выходит эффективность. Выставленную руку сломал стальной при-

клад. А полтора центнера тренированных мышц и снаряжения ударили в грудь с такой силой, что треснули ребра. Замдиректора с грохотом опрокинулся на спину и больше не шевелился.

Человек в белом халате сопротивляться не хотел. Он в ужасе вскинул руки и жалобно, как раненый заяц, заверещал:

— Не на-а-до! Я не...

Но красного платка у него не было, а все остальное не имело значения. Кулак в черной перчатке с отрезанными пальцами врезался в челюсть, железный локоть въехал в солнечное сплетение.

Группа захвата работала четко, как на тренировочном занятии. Проникновение, нейтрализация, фиксация. Хрустнули вывернутые из плечевых суставов руки. Щелкнули наручники. Стволы укороченных автоматов уперлись в модельно постриженные затылки. Вся операция заняла не больше десяти секунд.

Кроме одного «ТТ», оружия у задержанных не оказалось. Потерявшие сознание или оцепеневшие от страха «защитники бизнеса» лежали не шевелясь. И это было очень разумно, ибо берегло здоровье.

— Та-а-к, как тут дела? Что новенького? Вижу, потерпевший цел, и это главное...— В разгромленный кабинет стремительно вошел худошавый человек средних лет, в гражданском костюме. На фоне массивных бойцов в бронежилетах и шлемах, его подтянутая фигура не производила внушительного впечатления. Однако собровцы уважительно расступились. Командир группы кивнул на лежащие тела:

— Упаковали, как положено, Филипп Михайлович. Попытки сопротивления пресечены без применения оружия и спецсредств.

— Молодец, Кордов, молодец.— Вошедший пожал крепкую руку в черной перчатке.

— Не перестарались?

Наклонившись, штатский осмотрел задержанных и сам же ответил:

— Да нет, вроде нормально, очухались...

Он оглянулся, повел из стороны в сторону хрящеватым чутким носом, словно принюхиваясь. Острый взгляд задержался на шприцах.

— Понятых, протокол изъятия, и на экспертизу!

Затем мужчина подошел к двум расплывшимся по ковру здоровякам, которые уже перестали излучать уверенность, здоровье и респектабельность. Теперь от них ощутимо несло потом и страхом. Метаморфоза ни у кого из присутствующих удивления не вызвала. При тесном знакомстве с СОБРОм такие перемены скорее правило, чем исключение. Бывает, и мочатся под себя, а то и чего похуже случается...

Носок модельного полуботинка врезался в треснутые ребра Володи. Он коротко и покорно хрюкнул, воздержавшись от необдуманных реплик. Такая же участь постигла и директора. Тот вскрикнул и тут же смолк. Человек в штатском костюме присел на корточки и ровным голосом произнес:

— Это за «мента позорного» и за «отрыжку „совка“». Ну, и чтобы вы не думали, что я — вчерашний день. И запомните — я мент правильный!

Завершив воспитательный процесс, начальник оперативного отдела Тиходонского РУБОПа Филипп Михайлович Коренев подошел к Хондачеву, ободряюще хлопнул по плечу, тепло пожал руку, весело спросил:

— Как аппаратура? Не мешала? Запись вышла классная, любой суд примет!

Он привычно расстегнул рубашку банкира, с треском отодрал приклеенные скотчем прямо к коже миниатюрные радиомикрофон и приемник-динамик, спрятал их в карман и облегченно пояснил настороженно наблюдающему за ним одним глазом с пола Володе:

— Слава Богу, все цело! А то ведь я за них расписался, а они тысяча пять стоят. Причем не рублей, брателла, долларов — никакой зарплаты не хватит! Тебе хорошо, у тебя другие бабки! Только с такой записью они тебе не помогут...

Взяв под локоть еще не пришедшего в себя Хондачева и оттолкнув ногой перевернутое кресло, Лис вышел из кабинета.

* * *

Авиаперелеты Питон не уважал в принципе. Не боялся, а именно не уважал. Ведь в среде, в которой он обитал, от точности формулировок зависело очень многое. Скажешь, например: «Я обиделся» или «Он меня обидел», — и все — потерял лицо! Потому что обиженными называют самую низшую и презираемую на зоне касту — педерастов, «петухов», «гребней», «опущенных»... Ляпнешь по незнанию такую глупость — и неизвестно, чем дело кончится: могут и взаправду «обидеть»: дело-то минутное — проведут членом по губам, вот и готов непроткнутый пидор. А за тем, чтобы перегнуть через шконку, — дело не станет... Да и неважно: проткнутый или непроткнутый, нет между ними никакой разницы — оба на самом дне, ниже падать некуда.

Конечно, очень важно, кто такую парашу прогнал, и особенно — где. Если это малолетний лох — «первоход», или случайный пассажир, заруливший в беспредельную «хату», то скорей всего, именно так с ним и обойдутся. А если правильный пацан болтанет сдуру или по пьянке, то просто на смех поднимут и потом будут долго вспоминать, как он косяк упорол, хихикать за спиной да пальцами показывать. Все это не так весело и безобидно, как кажется на первый взгляд, потому что эти смешки и перемигивания отщипывают авторитет по кусочку, глядишь, через полгода от его «правильности» ничего и не останется... Конечно, если Питон или другой серьезный человек его уровня такое ляпнет, никто смеяться не посмеет, хотя задумаются, что тоже авторитет не укрепляет. Только серьезные люди базар фильтруют и за слова отвечают, а потому с ними такого не случается. Вместо «обиделся»

они говорят «огорчился», а вместо «побаиваюсь» — «не уважаю».

Но, несмотря на словесный камуфляж, в глубине души Питон знал, что летать он боится. Когда самолет попадал в зону турбулентности, ему казалось, что сейчас он развалится на части. Или перед глазами возникали другие жуткие картины, которые при всем своем многообразии имели один и тот же финал: авторитетный, богатый и здоровый бизнесмен приземлялся в виде обгоревшего куска мяса. Тем более что такие шикарные и респектабельные в фильмах с Бельмондо «Боинги», попадая в российские воздушные ямы, подозрительно поскрипывали, а при сильном встречном ветре начинали жутковато помахать крыльями. Возможно, шик, респектабельность и надежность ушли вместе с выработанным ресурсом. А скорей всего, так проявлялась его, Питона, аэрофобия. Это мудреное словечко объяснил ему жутко знаменитый психиатр, берущий за консультацию огромные деньги.

— Ничего опасного, очень мало людей не испытывают страхов,— сказал доктор, поглаживая классическую козлиную бородку.— Все дело в вас самих. Посмотрите на других пассажиров, они спокойны, ибо верят, что долетят благополучно. И вы внушите себе, что вам ничего не угрожает! Или найдите способ отвлечься. Или выпейте немного, для транквилизации. А в крайнем случае, пользуйтесь поездами...

Но на Кипр поезда не ходят, а именно там располагался недавно купленный шикарный особняк. Поэтому Питон тщательно выполнял советы специалиста: и внушал, и отвлекался, и выпивал. Самовнушение помогало плохо, а заоблачный минет и добрая порция спиртного — хорошо.

Вот и на этот раз полет прошел благополучно. Погода и техническое состояние борта способствовали соблюдению расписания, а напроць лишенная комплексов Ирка и семьсот граммов «Grant'sa» из дьюти-фри полностью нейтрализовали аэрофобию, сделав перелет комфортным и приятным. Козлобородый психиатр полностью отрабо-

тал свою штуку баксов. Хотя вряд ли бутылка виски укладывалась в определенную им норму «немного», а уж про Ирку тот и представить не мог...

На трап Питон вышел в благодушном настроении. Похлопав Ирку по тугой попке и в очередной раз заправив живот под широкий ремень черных джинсов, он похозяйски осмотрел низенький аэровокзал с ломаной крышей и старомодной надписью «Тиходонск», которая по ночам светится синим неоновым светом, как маяк, встречающий возвращающихся домой путников. Потом перевел взгляд на стоящих внизу Битюга и Кашея — они улыбались шефу и одновременно жадно пялились под короткую Иркину юбку. За ними маячил сопровождающий — молоденький сержант из линейного отдела, а в нескольких метрах покорно ждал милицейский «уазик».

Пока обычные люди накапливались в автобусе, Питон с Иркой, Кашей и Битюг, дыша густой смесью сигаретного дыма и бензиновых паров, без особого комфорта проехали двести метров до зала прилета. Конечно, можно было сесть в автобус или пройти эти метры пешком, но следовало соблюсти протокол. В автобус может сесть каждый, а вот так — у трапа, с милицейским сопровождением, встречаются только уважаемого человека, не такого, как все!

На площади ждал огромный «ленд круизер» с сатанинским номером ббб — черный кузов, черные стекла, черные бамперы, черный салон... Только хромированные диски и такой же «кенгурятник» ослепительно сверкали в лучах слабеющего тиходонского солнца. Внутри было гораздо просторней, ароматней и комфортней, чем в ментовской развалюхе. Развалившись на мягких подушках заднего сиденья, Питон залез в бар-холодильник, извлек и откупорил бутылку «Тиходонского игристого», наполнил два бокала, чокнулся с Иркой и жадно выпил. В похмельном нутре так захорошело, что он присосался к горлышку и жадно глотал холодную колючую жидкость, давясь пеной и обливая белую рубашку. Потом удовлетворенно отрыгнул накопившиеся в организме газы.